імест гэтай лексемы, якая у лексіконе народнай традыцыі становіцца тэрмінам, можна даведацца толькі на аснове знаёмства з этнаграфічнай літаратурай, фальклорам і часткова з дыялектнымі слоўнікамі.

Спіс літаратуры

1. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. – Мінск, 1978 – 1993. – Т. 1 – 8.
2. Гістарычны слоўнік беларускай мовы. – Мінск, 1982 – 1999. – Т. 1 – 18.
3. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. – Мінск, 1977 – 1984. – Т. 1 – 5.
4. Вяселле: Абрад. – Мінск, 1978.
5. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы. – Мінск, 1998.
6. Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5 т. – Мінск, 1979 – 1986. – Т. 1 – 5.
7. Сцяшковіч, Т.Ф. Матэрыялы для слоўніка Гродзенскай вобласці / Т.Ф Сцяшковіч.– Мінск, 1972.
8. Вяселле. Песні: у 6 т. – Мінск, 1980 – 1988. – Т. 1 – 6.
9. Словарь украинского языка: в 4 т. – Киев, 1958 – 1959.
10. Потебня, А.А. Слово и миф / А.А. Потебня. – М., 1989.

Піваварчык Ірына Вайцехауна, дацэнт кафедры беларускай мовы ГрДУ імя Янкі Купалы, кандыдат філалагічных навук, дацэнт (Гродна, Беларусь).

The concept «venok» (wreath) in the dictionaries of the literary and national language is considered in the article, as well as the spectrum of meanings of a word in the language of the national culture

Т.Г. Трофимович, Е.С. Бубнова, А.А. Дерунова

К ВОПРОСУ О КРЕАТИВНОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ В ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Рассматривается вопрос о полноценном творческом использовании имеющихся лексикографических источников в историко-лингвистических исследованиях. Содержащиеся в словарях сведения при умелом использовании могут существенным образом повлиять на ономасиологический анализ первичных и производных наименований, выявить закономерности семантической деривации, показать пути поиска деривационных средств (ономасиологических базисов). Исключительно ценными данные словарей оказываются для изучения исторической фразеологии, поскольку при их подготовке фразеологическое богатство фиксируется, квалифицируется, получает в составе иллюстративного материала хронологическую характеристику. Разнообразие подходов при маркировке фразеологических единиц в словарях позволяет проводить наблюдения над степенью их фразеологизации, определяя таким образом подходы к решению вопроса об объеме исторической фразеологии.

К настоящему времени восточнославянская историческая лексикография достигла значительных успехов, которые стали возможными благодаря целенаправленной и систематической работе целых научных коллективов. В распоряжении исследователей оказались прекрасные словари, целиком пока не изданные, но не теряющие при этом своей научной и просветительской ценности. В течение последних десятилетий начали издаваться исторические словари, научное и культурное значение которых трудно переоценить. Традиции исторической лексикографии, заложенные А. Петровым в «Опыте словаря древних славянских слов и речений» (1831), И.И. Срезневским в «Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» (т. 1 – 3, 1893 – 1912), А.Л. Дювернуа в «Материалах для словаря древнерусского языка» (1894), оказались продолженными в новых условиях и на новом уровне. В течение последних десятилетий издаются такие фундаментальные труды, как «Словарь русского языка XI – XVII вв.», «Словарь древнерусского языка XI – XIV вв.», «Словарь русского языка XVIII в.», «Гістарычны слоўнік беларускай мовы», «Словник староукраїнської мови XIV – XV вв.». Буквально в последние годы начато издание «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI – XVII вв.» (в. 1, СПб., 2004), «Словаря промысловой лексики северной Руси XV – XVII вв.» (в. 1, СПб., 2003), многочисленных исторических региональных словарей. Опубликован проект «Словаря русского языка XIX в. » (СПб., 2002).

Такое словарное богатство обречено на постоянное использование в историко-лингвистических исследованиях. Какой бы стороны изучения языка прошлых эпох мы ни коснулись, оно немыслимо без обращения к словарям. В настоящее время, как нам представляется, особую актуальность приобретает креативное, творческое использование известных лексикографических источников. Это значит, что современный исследователь должен приложить немало усилий и в полном объеме воспользоваться той информацией, которая благодаря труду многих попала в исторические словари.

Попытаемся подтвердить наши мысли обращением к некоторым историческим словарям и иллюстрацией того, как содержащиеся в них сведения могут стать достоянием ономасиологического анализа номинативных единиц, как могут быть использованы в работах по исторической фразеологии.

Известно, что ономасиология как теория номинации является частью лингвистичсекой семантики, рассматривающей то, как мысль находит средства своего языкового выражения [1, с. 345]. В таком ракурсе анализа особое место занимает исследование ономасиологической структуры производного наименования, установление компонентов которого оказывается возможным с использованием номинативного суждения [2, с. 37]. Правильно выстроить номинативное суждение помогает, как показывает опыт, не только широкий контекст памятника письменности. Поскольку в ряде случаев исследователю-историку языка не может помочь собственный языковой (речевой) опыт, а значение производного слова, возможно, ему не известно, словарь, словарная дефиниция окажет неоценимую помощь.

Приведем несколько примеров. В тексте читаем: *Отведено... скотцкого корму на митрьских сѣнныхъ покосѣхъ в разныхъ местѣхъ сто заколин сѣна.* Контекст не позволяет установить деривационные связи,

выстроить номинативное суждение. Словарная же дефиниция позволяет это сделать без труда: *заколина – копна сена, сложенная вокруг одного кола или между несколькими кольями* [3, с. 217]. Следовательно, *заколина – это то, что располагается за колом (кольями), кол → заколина*. Еще пример. В одном из текстов скарининского наследия читаем: ... *очи твои правду да согл҃дають, и зр҃ѣници твое да презирають стопы твоя*. В словаре находим: *зреница – зрэнка, вочны яблык* [4, с. 187]. Следовательно, *зреница* от *зреть*. Таких примеров можно привести множество, и все они указывают на то, что в ономасиологических исследованиях словарные дефиниции облегчают поиск, помогают составить верное представление о возникновении наименования.

Словарная дефиниция может указать и на происхождение слова. Например, в толковании к слову *жолнеръ (жолнерь, желнерь)* указано, что так называли *наемного солдата в польско-литовском войске* [3, с. 121]. Зная это, можно сделать вполне конкретный вывод об этом наименовании как первичном для старорусского языка.

В ономасиологических исследованиях значимым оказывается даже строение словарной статьи, поскольку изучение проблем номинации, установление мотивационных связей слов направляет внимание исследователя на значение производного слова. Словарная статья помогает установить, какое слово является производным. Так, чтобы выявить мотивационные связи при возникновении слова *память* как наименования документа, обратимся к словарной статье. Первое зафиксированное значение: память – 'способность сохранять и воспроизводить в сознании какие-либо сведения, события, впечатления; отдел сознания, сохраняющий полученные сведения'. Значение фиксируется в XII – XIII вв. Уже в 7-м значении это 'напоминание', в 8-м – 'повествование, напоминающее о ком-, чем-либо' (1573 г.) и 'письменная фиксация того, что не должно быть забыто' (XV в.). В 9-м значении это 'общее название письменных сообщений, деловых записей, документов различного характера' (XV в.). Наименование *память* (*документ*) возникло в результате семантической деривации. Развитие значения слова идет от именования способности сохранять и воспроизводить сведения к именованию по этому действию, затем письменной фиксации этого действия и, наконец, наименованию документа.

Особую ценность представляют хронологические сведения, содержащиеся в исторических словарях. Так, например, анализируя словарную статью слова жито узнаем, что древнерусскому языку оно было известно со значением 'хлеб в зерне или на корню; зерно, идущее в пищу' (пример датирован 1161 годом), позже появились значения 'ячмень; богатство; домашний скот' (примеры 1633 и 1672 годов) [3, с. 118]. Теперь можно рассуждать о направлениях семантической деривации.

Иные статьи исторических словарей содержат такое количество ценных сведений, что для их самостоятельного сбора исследователю потребовались бы годы. Правильно воспользоваться ими – значить сэкономить время и усилия. Обратимся для примера к статье слова *изба* [5, с. 92 – 94], которая занимает почти две страницы словаря. Важно, что в заголовок статьи вынесено не только само слово *изба*, но и известные его варианты (*истьба, изъба*), первый из которых указывает на родственные связи со словами *истопка (< истопить), изтобка* [5, с. 324] и позволяет выявить общий корень *топ-*. Толкование значения подтверждает эту родственность: *изба* – 'деревянная грубая постройка, использовавшаяся первоначально в качестве бани, помещения хозяйственного назначения, а позже для жилья'. Все эти помещения отапливались. Выстраивается такая деривационная цепочка. *топити – исътопити – исътьба – изба*. При историческом анализе находим так называемый нулевой корень.

Словарная статья к слову *изба* показывает, что это название входило в состав многочисленных субстантивно-атрибутивных единиц фразеологического и фразеологизированного характера, в составе которых само слово приобретало новые значения и их оттенки. Так, словосочетания *изба бревенная, брусяная, наземная, плоская* и др. называли виды изб по способу постройки; словосочетание *изба земляная* в результате семантической конденсации превратилось в название *землянка; изба черная* называло помещение с печью без трубы; единицы *изба людская, поваренная, скотная, челядная* и др. именовали виды построек хозяйственного назначения.

Примечательно, что в рамках анализируемой словарной статьи под цифрами 2 и 3 приводятся единицы, которые называют помещения для различных ремесленных работ (*изба коженная, портная, пушечная, сапожная, скорняжная, токарная* и др.), а также государственные учреждения, ведавшие различными хозяйственным и административными делами, а также помещения, где находились эти учреждения (*изба гостинная, губная, дьячья, земская, кабацкая, конная, площадная, разрядная, судная, тюремная* и др.).

Нами неоднократно отмечалось своеобразие системы предметной номинации древнерусского и особенно старорусского и старобелорусского языков, состоящее в существовании разветвленной системы субстантивно-атрибутивных бивербов. Их «серийный» характер (Л.Я. Костючук) и высокая значимость в номинативных процессах привели к тому, что такие единицы пытаются зафиксировать в исторических словарях. Однако их точное количество с трудом поддается определению, поэтому словарные статьи содержат перечни, заканчивающиеся сокращениями «и др.», «и под.» или «и т.п.». Не обратить внимания на эти единицы невозможно, как и невозможно все их лексикографически учесть. Присутствие у таких наименований черт устойчивых единиц укрепляет их номинативный статус. Независимо от этого такие неоднословные наименования являются ценным материалом для изучения способов экспликации предметно-познавательной деятельности человека, дискретизации окружающей действительности, актов вторичной неавтономной номинации, приемов использования в них комбинаторной техники. Словарные фиксации таких единиц при этом необходимо учитывать.

Одной из насущных задач современной исторической лексикографии является создание исторических фразеологических словарей. Применительно к современному состоянию восточнославянских языков можно с уверенностью говорить о существовании

фразеографии. В качестве примеров приведем известные и популярные словари: «Фразеологический словарь русского» Л.А. Войновой, В.П. Жукова, А.И. Молоткова, А.И. Федорова (М., 1967, 1-е изд.), двухтомный «Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII – XX вв.» (Новосибирск, 1991), двухтомный «Фразеалагічны слоунік беларускай мовы» И.Я. Лепешева (Минск, 1993). Ведется работа над другими фразеологическими словарями.

До сих пор фразеологическое богатство восточнославянских языков прошлого фиксируют перечисленные в начале доклада словари. Обращение к ним позволяет сделать вывод о том, что существует проблема маркировки в них фразеологизмов. Ее суть состоит в том, что разные словари прибегают к различным приемам графического обозначения фразеологизмов. Речь идет не о выделении фразеологических единиц (ФЕ) шрифтом (это используется всеми словарями), а об особых значках-маркерах.

Как известно, наиболее привычным и распространенным знаком устойчивых словосочетаний является «ромб» (◊), поэтому зона подачи фразеологизмов в словарной статье получила в лингвистическом просторечии название *заромбовая часть*. Историческая лексикография не в полной мере следует этой «ромбовой» традиции.

Раньше других среди исторических словарей нового времени стал издаваться «Словарь русского языка XI – XVII вв.», авторы которого в предисловии указали, что фразеологические единицы помечаются в издании «ромбом» (◊) [6, с. 10].

В 1984 году вышел вспомогательный том «Словаря русского языка XVIII в.», в котором содержался указатель источников и правила пользования словарем. Авторы отдельно оговорили способы подачи фразеологизмов, указав, что эти единицы приводятся в конце словарной статьи со знаком ~ (тильда), за исключением фразеологических и полуфразеологических (термины авторов – Т.Т.) выражений, вводимых за семантическим ромбом в саму словарную статью [7, с. 32]. Следовательно, предложена двоякая маркировка фразеологизмов: тильда и ромб.

В «Словаре древнерусского языка XI – XIV вв.», первый том которого увидел свет в 1988 году, хотя введение, инструкции, список источников, пробные статьи были опубликованы под редакцией Р.И. Аванесова еще в 1966 году. Изначально предлагалось помечать ФЕ ромбом светлым (◊), если она относится к одному из значений слова, и ромбом темным (♦), если относится к многозначному слову в целом [8, с. 83]. В предисловии же к первому тому указано, что фразеологические единицы в словаре помечаются черным ромбом (♦) или двумя черными ромбами (♦♦), если трудно установить, к какому значению слова фразеологическая единица относится [9, с. 13]. Обращает на себя внимание тот факт, что один или два черных ромба ставятся в этом словаре перед каждой ФЕ, а не перед всей фразеологической частью словарной статьи.

В главе 8 проекта «Словаря русского языка XIX в.» указано, что для выделения фразеологических единиц используется знак ~ (тильда) [10, с. 149] и что нерегулярные формы употребления фразеологической единицы (окказионального или индивидуально-авторского характера) помещаются внутри словарной статьи за соответствующими знаками и выделяются тем же шрифтом, что и заголовочные (регулярные) формы. Приведены примеры: ~ **Перейти рубикон, перейти за рубикон,** Δ **скакнуть за свои рубикон** [10, с. 151]. Если в словаре рассматривается только индивидуально-авторская модификация фразеологизма, то для его маркировки используется комбинация знаков. Например, индивидуально-авторский вариант известного с XVIII в. фразеологизма *строить воздушные замки* предлагается подать в словаре так: Δ ~ **делать на воздухе замки** (К.Н. Батюшков) [10, с. 151]. Индивидуально-авторские образования помечаются таким же образом.

В предисловии к «Гістарычнаму слоуніку беларускай мовы», который призван охватить лексико-фразеологический состав белорусского языка периода конца XIV – начала XVIII вв., указано, что если фразеологическая единица относится к одному из значений многозначного слова, то она помечается светлым ромбом (◊), если же фразеологизм относится к многозначному слову целиком, то помечается темным ромбом (♦) [4, с. 43].

«Словник староукраїнської мови XIV–XV вв.» помечает ФЕ светлым ромбом (◊), но если эти единицы связаны с одним значением слова, то они идут за словом без ромба [11, с. 15]. В «Словаре обиходного русского языка Московской Руси XVI – XVII вв.» фразеологизмы помечаются тремя способами: идиомы даются под светлым ромбом (◊), единицы с мотивированным значением (терминология авторов – Т.Т.) помечены треугольником (Δ), устойчивые словосочетания имеют при себе знак > [12, с. 14].

Такое разнообразие в маркировке ФЕ объясняется стремлением авторов установить и отметить различную степень фразеологизации единицы, учесть ее возможные варианты. При изучении исторической фразеологии к этим пометам следует относиться внимательно, не пренебрегать уже имеющейся оценкой.

Исторические словари, которые мы упоминали, фиксируют фразеологию в большом объеме, однако, как показывает опыт, не полностью. Дополнения в подобном случае не только уместны, но и естественны. Так, например, обращение к «Памятникам обороны Смоленска» позволило зафиксировать ФЕ, которых нет в «Словаре русского языка XI – XVII вв.». В тексте находим фразеологизмы *побити на голову* [13, с. 17], *привести на хвосте* [13, с. 76], *вынети лицом* [13, с. 36]. Фразеологизм *вынети лицом* фиксируется «Гістарычным слоунікам беларускай мовы» со значением *'забраць крадзеныя рэчы пры сведках'* [14, с. 309]. Этот факт может указывать на взаимодействие старорусского и старобелорусского языков и проникновение в старорусский язык некоторых старобелорусских элементов, поскольку смоленские земли в XVII в. занимали пограничное положение между складывающимися русским и белорусским этносами.

Уже отмечалось, что при изучении исторической фразеологии из письменных памятников выделяются так называемые «серийные выражения» – фразеологизированные выражения, которые не находят последовательной фиксации в исторических словарях. Их выделение как устойчивых и воспроизводимых единиц не является общепринятым, они то помечаются ромбом, то нет [6, с. 38]. Ввиду их большо-

го количества, не все фразеологизированные единицы можно найти в историческом словаре [2, с. 161]. Так, в «Словаре русского языка XI – XVII вв.» отмечено 24 наименования с компонентом *память*, среди них нет выделенных нами единиц: *дозорная память* [14, с. 26] и *имянная память* [14, с. 73]. Среди наименований людей нами тоже найдено несколько единиц, не зафиксированных в словаре: *понизовные люди (среди названий людей по месту жительства)* [14, с. 34], *ваеванные люди* [14, с. 21], *литовские люди* [14, с. 23]. В словаре последняя ФЕ не выделяется, но можно предположить, что это наименование людей по месту жительства. Однако в исследуемых нами смоленских памятниках письменности выражение *литовские люди* употребляется для обозначения любых пришельцев из-за рубежа.

Собранные нами сведения хорошо подтверждают необходимость создания словарей исторической фразеологии русского языка, в которых бы последовательно фиксировались и помечались устойчивые и «серийные» выражения, а также и их возможные варианты.

Завершая наши рассуждения по поводу креативного использования лексикографических источников в историко-лингвистических исследованиях, укажем, что любой словарь – результат огромного труда, задача и долг исследователя – полноценно использовать этот труд.

Список литературы

1. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Сов. энцикл., 1990.
2. Трофимович, Т.Г. Типы предметных наименований в языке старорусской деловой письменности / Т.Г. Трофимович. – Минск: БГПУ, 2003.
3. Словарь русского языка XI – XVII вв. / под. ред. С.Г. Бархударова. – М.: Наука, 1978. – Вып. 5.
4. Гістарычны слоунік беларускай мовы / гал. рэд. А.І. Жураўскі. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – Вып. 13.
5. Словарь русского языка XI – XVII вв. / под. ред. С.Г. Бархударова. – М.: Наука, 1979. – Вып. 6.
6. Словарь русского языка XI – XVII вв. / под. ред. С.Г. Бархударова. – М.: Наука, 1975. – Вып. 1.
7. Словарь русского языка XVIII в. Правила пользования. Указатель источников. – Л.: ЛГУ, 1984.
8. Словарь древнерусского языка XI – XIV вв. Введение, инструкции / под ред. Р.И. Аванесова. – М.: Наука, 1966.
9. Словарь древнерусского языка XI – XIV вв. / под ред. Р.И. Аванесова. – М.: Наука, 1988. – Т. 1.
10. Словарь русского языка XIX в. Проект. – СПб.: РАН, 2002.
11. Словник староукраїнської мови XIV – XV вв. – Київ, 1977. – Т. 1.
12. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI – XVII вв. – СПб., 2004. – Вып. 1.
13. Памятники обороны Смоленска 1609 – 1611 гг. / под ред. Ю.В. Готье // ЧОИДР. – М., 1912. – Кн. 1.
14. Гістарычны слоунік беларускай мовы / гал. рэд. А.І. Жураўскі. – Мінск: Навука і тэхніка, 1982. – Вып. 1.

Трофимович Тамара Григорьевна, заведующий кафедрой русского языка БГПУ им. Максима Танка, доктор филологических наук, профессор (Минск, Беларусь).

Бубнова Екатерина Сергеевна, аспирант кафедры русского языка БГПУ им. Максима Танка (Минск, Беларусь).

Дерунова Анастасия Александровна, аспирант кафедры русского языка БГПУ им. Максима Танка (Минск, Беларусь).

The article considers the matter of adequate creative use of the available lexicographical sources in historical-linguistic studies. Information given in the dictionaries when used in a proper way can significantly influence the onomasiological analysis of the primary and derived nomination units, find out patterns of semantic derivation, show the ways of searching for derivational means (onomasiological bases). Information provided by the dictionaries is especially valuable for studying the historical phraseology, as in the process of their compiling phraseological variety is fixed, qualified and given chronological characteristics as part of illustrative material. Various ways of marking the phraseological units in dictionaries contributes to their thorough analysis and helps to define the approaches to solving the question about the scope of historical phraseology.